

ОГНЕВ Александр Сергеевич — доктор психологических наук, профессор; главный научный сотрудник центра политических исследований департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; altognev@mail.ru)

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна — доктор политических наук, доцент; главный научный сотрудник центра политических исследований департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; brodovskaya@inbox.ru)

ДАВЫДОВА Мария Александровна — лаборант-исследователь центра политических исследований Финансового университета при Правительстве РФ, магистрант факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-кт, 49; marchikdavydova@mail.ru)

ВЫДЕЛЕНИЕ ТРИГГЕРОВ УСИЛЕНИЯ СЕТЕЙ СОЦИАЛЬНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В СУБЪЕКТАХ РФ

Аннотация. В статье представлены результаты прикладного исследования триггеров усиления сетей социального недовольства в субъектах РФ. На основании ивент-анализа были выявлены триггеры, характерные для активизации недовольства в различных кластерах субъектов РФ, – социальная защита, ЖКХ, городская инфраструктура и деятельность органов власти различного уровня. Для распространения триггеров усиления социального недовольства используются различные типы цифровых каналов, среди которых нейтральные и оппозиционные СМИ, СМИ-иноагенты. Недовольство, агрегируемое в социально-медийном пространстве, характеризуется диффузным характером и не может использоваться как триггер для первичной протестной мобилизации жителей регионов.

Ключевые слова: сети социального недовольства, социальные сети, ивент-анализ, субъекты РФ, триггеры недовольства

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финиуниверситету.

Постановка проблемы. В условиях усиливающегося внешнего информационного давления происходит рост объема социально-медийных потоков, в которых представлена смещенная политическая картина России и мира, а также дезадекватные, стереотипные, а зачастую – деструктивные представления о социально-экономической сфере российского общества. Основная задача распространения данных потоков – рост чувства депривации [Гарр 2005] у российских граждан; основной группой-мишенью становятся неудовлетворенные социальные группы.

Оппозиционные группы используют разнообразные триггеры для масштабирования социального недовольства у различных аудиторий в социальных медиа. Цифровая среда становится средой формирования деконсолидационной повестки в онлайн-пространстве [Пырма 2020], общественный резонанс которой обусловлен наличием в России значительной части граждан, недовольных своим материальным положением и усматривающих причину своей

жизненной ситуации в действиях властей различного уровня, «не создавших условия для их материального процветания». Все это актуализирует задачу по осуществлению оперативного мониторинга на федеральном и региональном уровнях для решения задачи по выявлению триггеров усиления сетей социального недовольства в субъектах РФ, которые могут быть использованы различными политическими акторами для конвертации социального недовольства в неконвенциональные формы активности.

Теоретическая основа исследования. Теоретическая основа исследования представлена несколькими группами теорий и концепций: это теория коллективного поведения [Лебон 2011; Тард 2021; Ортега-и-Гассет 2020]; концепция относительной депривации [Stouffer et al. 1949; Davies 1962; Gapp 2005]; концепция мобилизации ресурсов [Turner, Killian 1987; Edwards, McCarthy 2004]; концепция политических возможностей [Giugni, McAdam, Tilly 1999; Giugni 2004]; теория сетевого общества [Castells 2012; Gonzalez-Bailon, Wang 2016]. Также были изучены современные исследования социального недовольства [Гребенюк, Максимова, Лемэр 2021; Соколов 2012; Ним 2016].

Методология исследования. Методология исследования представлена:

– структурно-функциональным подходом, позволяющим рассматривать социальное недовольство как дисфункцию, возникающую и распространяющуюся в цифровом пространстве [Parsons 1967; Мертон 2006];

– сетевым подходом, который позволяет исследовать структурные особенности распространения установок социального недовольства в онлайн-сетевом пространстве [Howard, Parks 2012].

Методы исследования. Исследование триггеров усиления социального недовольства в субъектах РФ было реализовано на основании применения методики ивент-анализа [Бродовская, Давыдова, Еремин 2021]. Ивент-анализ применялся в рамках результатов рейтингования регионов по уровню социального недовольства. Ивент-анализ был проведен по каждому кластеру регионов. В рамках ивент-анализа были рассмотрены следующие параметры: событие, регион, тип источника, акторы, тема, тип действия. Глубина анализа составила с августа 2021 г. по апрель 2022 г. Общий датасет составил 559 документов. База данных была сформирована на основе сплошного отбора релевантных событий в информационных источниках различного типа – проправительственных, нейтральных, оппозиционных, СМИ-иноагентах.

Основные результаты. Результаты ивент-анализа позволили установить основные сферы социального недовольства, которые агрегируются в социально-медийном пространстве.

Для 1-го кластера регионов, в который входят Камчатский край, Магаданская обл., Ненецкий АО, Чукотский АО, характерна концентрация недовольства в рамках сферы социальной защиты населения, госуправления, транспорта и ЖКХ (см. табл. 1). Данные результаты позволяют говорить о том, что в условиях роста напряженности в регионе, появления масштабного федерального или регионального первичного триггера темы социальной защиты и госуправления могут использоваться как вторичные, подкрепительные триггеры, которые позволят масштабировать недовольство. Необходимо подчеркнуть, что принятие непопулярных решений региональными органами власти могут становиться причиной запуска недовольства, в т.ч. такой его формы, как протесты. Недовольство решением транспортного вопроса и проблем ЖКХ характеризуется сезонным характером и активизируется в зимний период. Данные сферы недовольства во многом имеют диффузный характер и не могут становиться самостоятельными триггерами активизации недовольства и/или высту-

пать существенным триггером для масштабирования недовольства или протестной активности.

Для регионов, входящих во 2-й кластер (Москва, Московская обл., Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Сахалинская обл., Ханты-Мансийский АО – Югра, Ямало-Ненецкий АО), характерна концентрация недовольства в рамках дорожной и транспортной сферы, ЖКХ, здравоохранения и городской инфраструктуры. Недовольство в транспортной и дорожной сферах актуализируется в контексте отсутствия регулярных ремонтов, а также нарушения логистики городского транспорта. В здравоохранении недовольство основывается на недостаточном качестве медицинского обслуживания, в контексте городской инфраструктуры – на неудовлетворительном состоянии общественных территорий, их неухоженности. Во 2-м кластере все сферы недовольства характеризуются диффузностью, сезонностью или ситуационностью. Все это позволяет говорить о том, что данные триггеры с низкой долей вероятности будут использоваться для мобилизации недовольства для перехода в протестную активность.

В 3-м кластере, в который входят Воронежская обл., Краснодарский край, Ленинградская, Нижегородская обл., Приморский край, Республика Башкортостан, Самарская, Свердловская, Тульская, Тюменская, Челябинская обл., недовольство консолидируется на основании тем, связанных с социальной защитой населения и развитием городской инфраструктуры. Недовольство социальной защитой населения связано со слабой поддержкой нуждающихся категорий. Неудовлетворенность городской инфраструктурой актуализируется по таким направлениям, как неудовлетворительное качество содержания городского имущества, состояние мест общего пользования, сезонные аспекты, связанные с уборкой снега.

В регионах 4-го кластера (Алтайский край, Амурская, Архангельская, Астраханская, Белгородская, Брянская, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская обл., Красноярский край, Курская, Липецкая, Мурманская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская обл., Пермский край, Псковская обл., Республика Адыгея, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Ростовская, Рязанская, Саратовская, Смоленская обл., Ставропольский край, Тамбовская, Тверская, Томская обл., Удмуртская Республика, Ульяновская обл., Хабаровский край, Чувашская Республика, Ярославская обл.) активно разворачивается социальное недовольство сразу по нескольким направлениям: это социальная защита, здравоохранение, госуправление, городская инфраструктура, ЖКХ. Особое недовольство активизируется в сфере здравоохранения в связи с неэффективной политикой в период пандемии.

В регионах 5-го кластера (Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Крым, Севастополь, Чеченская Республика) социальное недовольство концентрируется в рамках таких направлений, как ЖКХ, социальная защита, городская инфраструктура, здравоохранение. В рамках ЖКХ регулярное недовольство возникает в связи с проблемами в ряде отраслей – электрообеспечении, газификации, теплоснабжении, благоустройстве домов и придомовых территорий.

В 6-м кластере, где сосредоточились Владимирская обл., Еврейская АО, Забайкальский край, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Курганская обл., Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Республика Северная

Осетия – Алания, Республика Тыва, Республика Хакасия, активизация недовольства происходит в связи со сферами социальной политики, здравоохранения, ЖКХ, городской инфраструктуры. В рамках социальной защиты недовольство было сконцентрировано преимущественно на росте цен и доступности продуктов питания, в сфере здравоохранения отмечалась критика в адрес оказания медицинской помощи, условий работы медиков, новых требований в связи с распространением коронавирусной инфекции.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях роста общественной напряженности на территории РФ выделенные темы и сферы недовольства могут становиться основой для запуска недовольства и перевода его из скрытой формы в явную. Данные темы могут использоваться для масштабирования недовольства и перевода онлайн-активности в офлайн.

Таблица 1

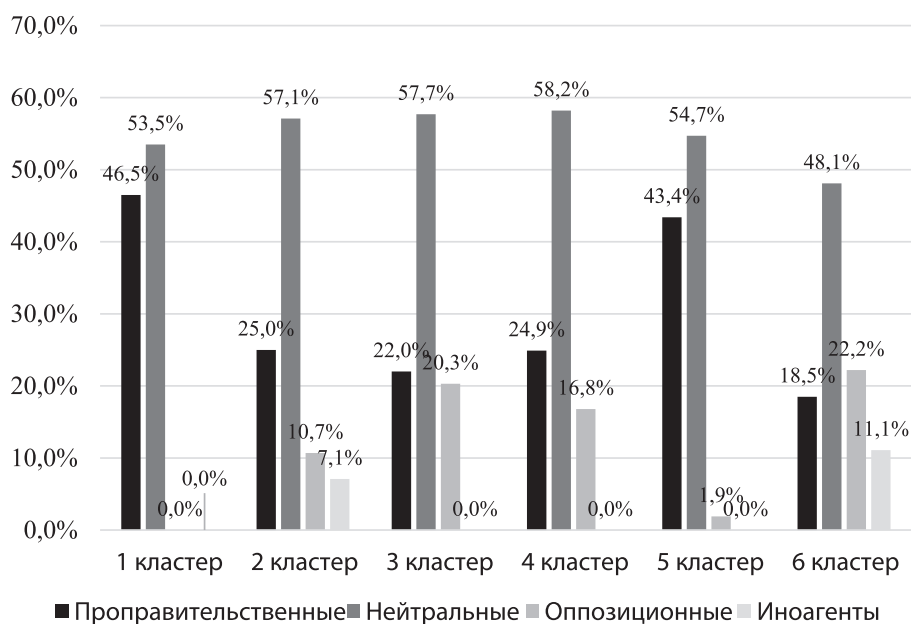
Триггеры усиления социального недовольства в различных кластерах субъектов РФ, %

Триггер усиления социального недовольства / кластер	1-й кластер	2-й кластер	3-й кластер	4-й кластер	5-й кластер	6-й кластер
Государственное управление	16,3	7,1	3,3	12,3	7,5	9,7
ЖКХ	11,6	17,9	8,1	10,2	34	12,5
Транспорт, дороги	14	25	8,1	6,7	3,8	8,2
Образование	0	7,1	0,8	4,9	3,8	3,9
Здравоохранение	9,3	10,7	9,8	17,2	11,3	14
Правозащитная, судебная сферы	2,3	3,6	4,9	1,8	0	2,7
Экология	4,7	7,1	8,9	3,5	9,4	5,7
Социальная защита	39,5	7,1	22,8	18,9	15,1	20,2
Городская инфраструктура	0	10,7	17,1	11,9	15,1	12,3
Нет четкого указания на сферу	2,3	3,6	5,7	3,9	0	3,9
Другое	0	0	10,6	8,8	0	6,8

Триггеры усиления сетей социального недовольства распространяются преимущественно в социально-медийном пространстве. При этом первичное опубличивание происходит в СМИ на различных уровнях – федеральном, региональном или местном.

Как показывают результаты исследования, преобладающее число публикаций о проблемах сформировано в нейтральных средствах массовой информации, основная задача которых – информирование. Нужно отметить, что в 3, 4 и 6-м кластерах существенная доля сообщений о недовольстве в регионах производится оппозиционными сообществами, нацеленными на подрыв доверия к действующим органам власти, формирование оппозиционных установок и реализацию подготовительного этапа потенциальной протестной мобилизации. Характеристикой оппозиционных сообщений является высокая эмоциональность, применение манипулятивных технологий, в т.ч. примитивизации.

Во 2-м и 6-м кластерах часть сообщений о недовольстве жителей в регионах распространяется СМИ-иноагентами, которые так же, как и оппозиционные сообщества, нацелены на подрыв авторитета действующих органов власти на различных уровнях и доверия к ним. В их информационную повестку попадают события преимущественно федерального масштаба или региональные события, способные вызвать резонансную реакцию у жителей других регионов (см. рис. 1).

Рисунок 1. Типы источников триггеров усиления социального недовольства в различных кластерах субъектов РФ

Одним из ключевых объектов социального недовольства являются федеральные, региональные и местные органы власти. Как показали результаты исследования, в качестве триггеров используются не только ситуативные проблемы, возникающие в сфере социальной политики, инфраструктуры, управления, городского развития, но и непосредственная деятельность органов власти различных уровней.

Так, в 1-м кластере для усиления сетей социального недовольства используется деятельность региональных органов власти, в первую очередь губернаторов, а также депутатов региональных законодательных собраний и региональных министров, которые подвергаются критике в социально-медийном пространстве. Инициирование недовольства происходит на основании совокупности внутренних нерешенных проблем. Отсюда недовольство существенным образом может усиливаться за счет сформированных установок о недоверии и «отсутствии» действий со стороны региональных властей.

Во 2-м кластере также консолидируется недовольство в отношении органов власти, в первую очередь в адрес региональных и муниципальных властей. Для данного кластера характерен более высокий уровень недовольства органами власти, чем в регионах остальных кластеров. Во многом это связано с тем, что

во 2-й кластер входят такие регионы, как Москва и Санкт-Петербург, которые являются крупнейшими по численности населения субъектами, а также консолидируют наибольшее число оппозиционно и протестно настроенных граждан. Кроме того, необходимо учитывать высокий уровень недовольства политикой мэра Санкт-Петербурга по вопросам уборки улиц в зимнее время и мусорным кризисом.

Недовольство муниципальными органами власти характерно для регионов, вошедших в 3-й кластер. Высокая доля недовольства при этом характеризуется отсутствием конкретной персонификации.

Для регионов 4-го кластера характерно недовольство региональными властями. В качестве триггеров усиления социального недовольства различными акторами могут быть использованы такие темы, как неэффективные управленческие решения, социальная политика, ЖКХ и т.д., которые реализуются губернаторами, законодательной и/или исполнительной властью.

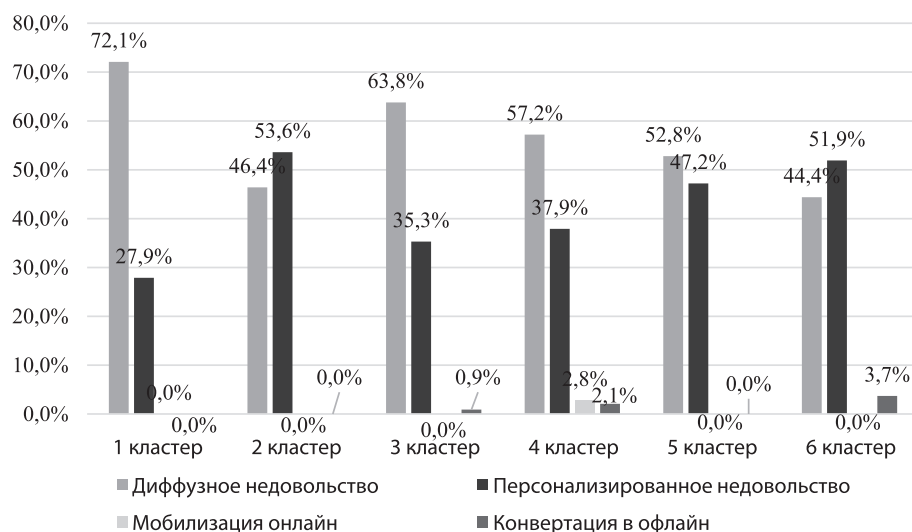
В 5-м кластере агрегируется недовольство региональными и муниципальными органами власти. На текущем этапе данные политические акторы уже концентрируют достаточный уровень недовольства. В условиях актуализации проблемы в сфере ЖКХ, социальной защиты, городской инфраструктуры их действия или бездействие могут усилить сети социального недовольства.

Для 6-го кластера характерен возможный рост недовольства, связанный с политикой, реализуемой региональными органами власти. Недовольство принимаемыми управленческими решениями в ряде отраслей может стать основой для роста уровня напряженности в регионах (см. рис. 2).

Как показали результаты исследования, для всех кластеров свойственен диф-

Рисунок 2. Акторы триггеров усиления социального недовольства в различных кластерах субъектов РФ

Рисунок 3. Характеристика действий триггеров усиления социального недовольства в различных кластерах субъектов РФ

фузный характер недовольства. В 1, 3, 4, 5-м кластерах диффузное недовольство представляется универсальным, активным, но при этом скрытым. В регионах данных кластеров потенциальные темы-триггеры являются объективной реальностью существования и как отдельная причина активизации массового недовольства рассматриваться не могут. При этом триггеры, актуальные для данных кластеров, могут выполнять роль подкрепления оппозиционных и протестных установок, становиться основой аргументации в пользу того или иного формата выражения недовольства.

В регионах 2-го и 6-го кластеров превалирует персонифицированное недовольство. Во 2-м кластере это во многом связано с вхождением в данный кластер Москвы и Санкт-Петербурга, где недовольство преимущественно направлено на мэров. В 6-м кластере персонализированное недовольство может говорить о неудовлетворенности политикой местных властей и теми подходами, которые используются ими для решения появляющихся проблем. Потенциально триггером усиления сетей социального недовольства в данных кластерах могут стать решения, принимаемые конкретными субъектами политики в регионах (см. рис. 3).

Заключение. Во-первых, среди общих трендов социального недовольства отмечается существенная концентрация недовольства в сфере социальной защиты, что во многом связано с теми мерами поддержки, которые реализуются на данном этапе. При этом растущее недовольство ЖКХ и городскими инфраструктурами, которое также актуально для ряда кластеров, носит сезонный характер и связано с приходом зимнего сезона. Выделение сферы здравоохранения как темы-триггера во много определяется таким ситуативным фактором, как пандемия, политика в рамках которой не получила поддержки со стороны населения.

Во-вторых, для усиления сетей социального недовольства распространять сообщения-триггеры могут различные типы источников. Включение в распространение тем социального недовольства СМИ-иноагентов может происхо-

диль для привлечения внимания к самому источнику: чем более яркое событие, тем больше вероятность интереса аудитории к нему вне зависимости от региональной принадлежности проблемы. При этом нужно подчеркнуть, что мониторинг СМИ является одним из способов диагностики уровня социальной напряженности в регионе.

В-третьих, для всех кластеров характерно сформировавшееся недовольство органами власти различного уровня. В условиях актуализации социальных, экономических, политических, инфраструктурных проблем в регионе высокий уровень адресного недовольства будет становиться подкрепительным триггером недовольства, оппозиционности и, возможно, протестной мобилизации.

В-четвертых, можно говорить о сформированных моделях реагирования на социальное недовольство в регионах. Содержание, потенциальные причины и условия усиления недовольства определяются сформированной практикой социального недовольства, а также темами-триггерами, способными его усиливать. Важно подчеркнуть, что реакция на возникающие триггеры социального недовольства «привычного» характера носит диффузный характер и не становится причиной мобилизации протестных настроений. При этом появление масштабного регионального или федерального актуального для жителей конкретного региона триггера может стать основой для использования локальных триггеров как подкрепительных для дальнейшей масштабной мобилизации массовых протестов.

Список литературы

Бродовская Е.В., Давыдова М.А., Еремин Е.А. 2021. Пролонгированные политические протесты в России и Республике Беларусь летом—осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 1. С. 6-13.

Гарр Т.Р. 2005. *Почему люди бунтуют*. СПб: Питер. 464 с.

Гребенюк А.А., Максимова А.С., Лемэр Л.Г. 2021. Исследование социальной напряженности на основе больших данных социальных сетей. — *Цифровая социология*. Т. 4. № 4. С. 4-12.

Лебон Г. 2011. *Психология народов и масс*. М.: Академический Проект. 238 с.

Мертон Р. 2006. *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ; АСТ-Москва; Хранитель. 873 с.

Ним Е.Г. 2016. «Игрушко митингуэ»: в поисках теории медиатизации гражданского протеста. — *Журнал исследований социальной политики*. № 1. С. 55-70.

Ортега-и-Гассет Х. 2020. *Восстание масс*. М.: АСТ. 256 с.

Пырма Р.В. 2020. Структура сетевых сообществ социальных медиа в информационном потоке внешнего давления на Крым. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. № 4. С. 65-72.

Соколов А.В. 2012. Протест в субъектах Российской Федерации: подходы к классификации регионов страны. — *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. Политология. Религиоведение. № 1. С. 52-60.

Тард Г. 2021. *Общественное мнение и толпа*. М.: АСТ. 256 с.

Castells M. 2012. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press.

Davies J.C. 1962. Toward a Theory of Revolution. — *American Sociological Review*. Vol. 27. No. 1. P. 5-19.

Edwards B., McCarthy J.D. 2004. Resources and Social Movement Mobilization. — *The Blackwell Companion to Social Movements*. Oxford: Blackwell Publishing. P. 116-152.

Giugni M. 2004. *Social Protest and Policy Change: Ecology, Antinuclear, and Peace Movements in Comparative Perspective*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Publishers. 297 p.

Giugni M., McAdam D., Tilly C. 1999. *How Social Movements Matter*. Minnesota: University of Minnesota Press. 324 p.

Gonzalez-Bailon S., Wang N. 2016. Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media. — *Social Networks*. Vol. 44. P. 95-104.

Howard Ph.N., Parks M.R. 2012. Social Media and Political Change: Capacity, Constraint and Consequence. — *Journal of Communication*. Vol. 62. Is. 2. P. 359-362.

Parsons T. 1967. *Sociological Theory and Modern Society*. N.Y.: Free Press. 564 p.

Stouffer S.A., Suchman E.A., DeVinney L.C., Star S.A., Williams Jr.R.M. 1949. *The American Soldier: Adjustment during Army Life*. Princeton: Princeton University Press.

Turner R.H., Killian L. 1987. *Collective Behavior*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall. 340 p.

OGNEV Aleksandr Sergeevich, Dr.Sci. (Psych.), Professor; Chief Researcher of the Center for Political Studies, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; altognev@mail.ru)

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor; Chief Researcher of the Center for Political Studies, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; brodovskaya@inbox.ru)

DAVYDOVA Maria Aleksandrovna, Laboratory Researcher at the Center for Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993; marchikdavydova@mail.ru)

IDENTIFICATION OF TRIGGERS FOR STRENGTHENING SOCIAL DISCONTENT NETWORKS IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article presents the results of an applied study of triggers for strengthening social discontent networks in the constituent entities of the Russian Federation. Based on the event analysis, the authors identify triggers characteristic of the activation of discontent in various clusters of constituent entities of the Russian Federation, such as social protection, housing and communal services, urban infrastructure, and the activities of authorities at various levels. Various types of digital channels are used to spread triggers of increasing social discontent, including neutral and opposition media, foreign media. The dissatisfaction aggregated in the social media space characterizes by a diffuse nature and cannot be used as a trigger for the primary protest mobilization of residents of the regions.

Keywords: social discontent networks, social networks, event analysis, constituent entity of Russian Federation, triggers of discontent

---